

Поэтика романа Л. Шрайвер «Цена нелюбви»

Бондаренко Марина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент
Государственный социально-гуманитарный университет (г. Коломна)

Роман американской журналистки и писателя Лайонел Шрайвер «We need to talk about Kevin» (в русскоязычной версии – «Цена нелюбви») был написан в 2003 году. Название текста определяет и его форму: он строится как письма героини мужу. Структура романа необычна именно таким авторским решением и позволяет долго сохранять интригу: это не классический эпистолярный роман, предполагающий диалог, а «письма без ответа». Диалог у Шрайвер присутствует, но имплицитно. Ева Качадурян, обращаясь к мужу Франклину, ведет с ним своеобразную беседу, оправдывая тем самым название романа: «Нам нужно поговорить о Кевине». Подобная форма «разговора» придает тексту исповедальный характер.

Время в романе, отмеченное письмами, ограничено диапазоном шести месяцев: 8 ноября 2000 – 8 апреля 2001 года. Однако в эти рамки укладывается почти 18 лет из жизни героини. В начале своего первого письма Ева обозначает еще одну временную координату, важную для нее: «с тех пор, как мы расстались» [1, 7]. В одном из писем, рассказывая о жизни Франклину, она характеризует свою ситуацию как «личный апокалипсис» [1, 18]. Этой временной точкой является для нее массовое убийство, совершенное Кевином. Первыми его жертвами стали Франклин и младшая сестра, а также несколько одноклассников сына Евы. Таким образом, характеристика времени в романе двойственна: есть время реальное, хронологическое, и время субъективное, определяющееся событиями жизни героини.

Основными проблемами в романе обозначены подростковая агрессия и национальная идентичность. Ева гордится своими армянскими корнями и противопоставляет себя американцам. Она постоянно повторяет, адресуясь к мужу, словосочетания «в этой стране», «эта страна». Когда родился сын, она настояла, чтобы оставить ему свою фамилию, а Франклину было позволено выбрать имя ребенку. Решение не давать сыну фамилию мужа, то есть, американскую, Ева объясняла склонностью представителей нации к жестокости и агрессии. Она перечисляла все случаи резонансных массовых убийств, совершенных в последние годы подростками в США. И постфактум отметила в виде упрека мужу, что имя их сына перевесило «охранные» данные фамилии: «Так что юный Кевин – твой выбор – оказался таким же американцем, как Смит и Вессон» [1, 91].

Главный вопрос, которым задается Л. Швайвер, связан с поисками причины жестокости подростков. Ответ на него максимально точно дан в русской версии названия романа: в нелюбви. История Евы – это история прозрения и покаяния. Рефлексия, наполняющая письма-исповеди, свидетельствует об осознании Евой своей вины. В последнем письме она подводит итоги случившегося: «Вот все, что я знаю. 11 апреля 1983 года у меня родился сын, и я ничего не почувствовала. Истина всегда больше того, чем кажется нам. Когда тот младенец скорчился на моей груди, от

которой отпрянул с таким отвращением, я в ответ отвергла его. /.../ С того момента мы сражались друг с другом с неумолимой жестокостью, которой я почти восхищалась. Можно ли завоевать любовь, доведя антагонизм до его крайности, сблизить людей самим фактом их взаимного отталкивания? /И пусть только от отчаяния или от лени, но я люблю своего сына» [1, 542]. Мотив вины родителей подчеркнут и эпиграфом романа: «Ребенок больше всего нуждается в любви тогда, когда он менее всего это заслуживает» [1, 7].

Хронологически события романа начинаются с желания Франклина иметь детей. Ева неоднократно подчеркивает, что это стремление не было их общим. Она очень дорожила карьерой и согласилась с доводами мужа не сразу: «Франклин, мысль о ребенке повергла меня в неконтролируемый ужас» [1, 51]. Говоря о своем согласии, Ева понимает его как волевое решение, мужественный поступок: «Всю свою жизнь я заставляла себя совершать поступки» [1, 50]. Теперь она заставляет себя стать матерью. Ева очень подробно фиксирует, какие неудобства ей приходилось переживать в ожидании ребенка. Главная ее претензия – лишение личной свободы. Она переставала ощущать собственную значимость: «Я чувствовала себя расходным материалом, отбросами. Мне казалось, что меня вовлекли в огромный биологический проект, выбранный не мною. Во время этого проекта меня произвели на свет, но пережуют и выплюнут» [1, 77].

Ева – необычный вариант феминистки. За личные права и свободы она борется не с социумом или мужчинами, а со своим еще не родившимся ребенком. Пока не осознавая этого, она уже вступает с ним в конфликт. «Все то время, что я была беременна Кевином, я боролась с самой идеей Кевина, с убеждением, что я понизила себя в должности, превратилась из водителя в автомобиль, из домовладелицы в дом» [1, 87]. Изначально не испытывая любви к своему будущему ребенку, согласившись его родить, чтобы быть с Франклином «полноценной американской семьей», Ева программирует его на ответную ненависть. Ее ожидания появления монстра (Ева перечисляет фильмы, где героями были дети-чудовища) доходят до абсурда. Любое действие сына Ева демонизирует, начиная с момента его появления на свет. «Кевин родился на две недели позже срока. Оглядываясь назад, я испытываю мистическую уверенность в том, что он умышленно затягивал свое появление на свет, что он прятался» [1, 105].

Кевин был запрограммирован Евой на агрессию и жестокость. Он всего лишь соответствовал ее ожиданиям и даже превзошел их. Чувство Евы к сыну никогда не было безусловной любовью матери, не было даже просто любовью. У нее всегда были условия. Ожидание и рождение ребенка она рассматривала как инвестицию в развитие их семьи, ее укрепление и соответствие стандарту. Кевину уже заранее было в

ее сознание отведено место как не очень приятному, но обязательному атрибуту института семьи. «В моем отношении к материнству присутствовали условия, жесткие условия. Я не хотела быть матерью слабоумного или страдающего параличом нижних конечностей» [1, 106].

Чувствуя себя обманутой рождением «неудачного» сына, Ева решает на второго ребенка. В этом тоже проявляется ее эгоизм: не получилось любить мстительного Кевина – нужно найти достойный объект. Появление Селии окончательно разводит Еву и сына. Сестра для Кевина – постоянное напоминание о нелюбви матери к нему.

Массовое убийство, совершенное Кевином, обусловлено его намерением заставить мать обратить на себя внимание, вынудить полюбить, когда никого у больше нее не останется. Убивая отца и Селию, он словно «расчищает» пространство рядом с Евой. А

навязчивое желание матери дать ему свою фамилию, Кевин считает издевкой. Навещая Кевина в тюрьме, Ева напоминает Кевину об их армянских корнях: «Я очень упорно сражалась за то, чтобы дать свою фамилию». И услышит в ответ: «Да, ну, я оправдал твои хлопоты. Благодаря мне теперь вся страна знает, как правильно ее писать» [1, 86].

Исследуя возможные причины высокого уровня подростковой агрессии в США, Л. Шрайвер создает психологический роман. Попытки самой героини объяснить детскую жестокость социальными причинами автором романа отвергаются и переносятся в мир семьи, в плоскость взаимоотношений детей и родителей. Примечательно, что история материнства Евы не облекается в форму романа воспитания, а передается через письмо-исповедь, где главенствует, как и в отношениях с Кевином, категория собственного «Я».

Литература:

1. Шрайвер Л. Цена нелюбви. М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2014. – 542 с.